

Для цитирования: Филоник А.О., Батурина В.Н. Египет: первые шаги феминизма // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.08

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с изменениями в положении египетских женщин на протяжении примерно двух десятилетий с начала Июльской революции и до завершения ее этапа, связанного с режимом Насера. Египет, олицетворяющий авангард арабского мира, стал первым арабским государством, которое отказалось от традиционной приниженной трактовки роли женщин в обществе и конституционно подтвердило их равные права с мужчинами. Женщины активно проявили себя в борьбе за независимость страны от Британии и продемонстрировали готовность быть полноценными участниками событий национального масштаба наравне с мужчинами. Эмоциональный взрыв их социального недовольства завершился созданием Союза египетских феминисток усилиями небольшой группы продвинутых египтянок, которые вели просветительскую работу в женской среде и вне ее, распространяя идеи гендерного равенства, выступая против оскорбления их человеческого достоинства и унижения в быту. Отдельной темой было преодоление неграмотности и женское образование, на чем впоследствии сосредоточился и режим, возникший по следам Июльской революции, который одновременно инициировал и меры в экономике, создавая государственный сектор и ограничивая частный капитал. На фоне обострения социальных противоречий идеи феминизма не получили поддержки со стороны государства, и женский Союз был передан в ведение правительства, став одним из проводников политики правящей партии.

Ключевые слова: Египет; Союз египетских феминисток; женский вопрос; традиции; реформы; гендерный разрыв; протесты; дефициты.

* Филоник А.О., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, e-mail: fao44@mail.ru

** Батурина В.Н., преподаватель кафедры глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: vera-baturina@yandex.ru

© Филоник А.О., Батурина В.Н., 2023

Египет – крупнейшая страна Арабского Востока с богатейшей faraонической и средневековой культурой, таким же исламским наследием и в то же время несущая в себе некое светское начало, не чуждое европейскому мышлению и ориентированное на национальные приоритеты, истари считается центром арабского мира. Эти представления прочно усвоены египтянами и сохраняются в народной памяти, которая подпитывает патриотизм египтян.

В 1919 г. страна пережила мощный подъем национального движения против британского господства. Борьба развернулась и в городах, и в сельской местности, в ней участвовали все слои населения, на улицы массово вышли женщины, которые совместными усилиями добились признания независимости Египта от Британии в 1922 г.

Эти два года мощно всколыхнули женщин, вклад которых в протесты был соразмерен победе, что вселило надежды на возможность дальнейших перемен в их судьбе. Энтузиазм женщин, спонтанно вырвавшийся на поверхность, обозначил их несогласие с правилами, которые действовали в египетском обществе, как исконно присущие ему и диктующие нормы рутинной жизни. Активность женщин в какой-то мере солидаризировала их, подготовила к вступлению в следующую фазу – в борьбу за равенство, достоинство и признание своих гражданских прав и навела на мысль об организационном оформлении.

Стремление женщин из народа отстаивать права своей страны и свои собственные было подхвачено представительницами образованной египетской прослойки. Они были знакомы с лозунгами европейского феминизма, возникшего на полвека раньше, чем о нем узнали в Египте, и разделяли их, но не пропагандировали в своих пределах. Провозглашение же независимости и волна народного воодушевления побудили наиболее пылких сторонниц женской воли в 1923 г. создать Союз египетских феминисток, который перехватил инициативу у действовавшего с 1920 г. Центрального комитета женщин Вафда, по сути, околупартийной группы, и, обретя более высокий ранг, выступил от имени египтянок. Этот факт был знаковым, показав популярность гражданских настроений в обществе как таковом и готовность наиболее активных женщин из света противостоять противникам женского освобождения. Эта кампания стала ассоциироваться с персоной Худы Шаарауи, общественной деятельницы, создавшей и возглавившей организацию. Уже в 1924 г. Египет стал первой исламской стра-

ной, где женщины отказались от хиджаба, что воспринималось как шаг на пути к раскрепощению.

Точкой отсчета появления в Египте женской темы, тогда еще не вполне осознанной, стал вопрос об образовании девочек школьного возраста, что подавляющей частью общества не считалось первой необходимостью на момент возникновения зачатков такой практики. Но мысль подспудно созревала, обретая сторонников, что было обусловлено объективными факторами. Образовательный процесс начинался, как весьма избирательный, еще во времена хедива Исмаила в 70-х годах позапрошлого века и распространялся на небольшое число девочек школьного возраста из неэлитарного слоя общества, которые получали минимум обиходных знаний в классах, что считалось достаточным. За полвека с начала образовательного процесса в него втянулись школы иностранных миссий, а также собственно египетские платные школы, немногочисленные на первых порах даже в городах, где обучались мальчики, к которым присоединялись и школы для девочек из неэлитарных слоев.

Это начинание стало для обывателей значительным новшеством и не было принято как мера, способная привнести в египетское общество полезное начало. Школы для девочек далеко не сразу стали восприниматься как обычное, естественное явление, а не как некая дань европеизму или блажь, навеянная иностранцами. Но вопрос оставался открытым и развивался крайне медленными темпами, поскольку спрос на образованных по более высокому стандарту людей не ощущался как неотложный. Образование не было обязательным, и обывательский слой вполне обходился умением минимального количества детей мужского пола читать, девочки же еще реже имелись в виду. Значительно позже, только к началу прошлого века, сфера школьного образования расширилась, в том числе и для девочек, но лишь в конце первой четверти века с ростом потребности в более-менее грамотных кадрах начальное образование обрело статус обязательного.

Обращение к молодому поколению стало велением времени также и под влиянием идей, которые проникали в египетское общество через контакты египетских интеллигентов с иностранцами и через британскую администрацию, которая, так или иначе, разнобразила методы эксплуатации страны, используя и каналы культурного проникновения. Они открывали доступ к новым явлениям, которые возникали в европейских державах и становились известными в колониях. Таким же образом европейский феминизм

проложил путь и в Египет, где в этом движении увидели средство противостояния социальной несправедливости по отношению к женщинам, а политику английской администрации расценили как сопутствующую консервации этой несправедливости.

Применительно к Египту эти идеи будоражили общество, которое и без того находилось в состоянии брожения и напряженности в контексте развернувшихся событий. Они были связаны с закреплением влияния иностранного капитала на арабских территориях после окончания Первой мировой войны, с распространением реформаторских идей и революционных настроений, наконец, с влиянием постепенного перехода к капитализму, который внес в практику Египта понятия целесообразности и новые требования к рабочей силе, где нашли место и женщины, как носительницы живого труда. Волнующую информацию поставляли и египтянки из образованной среды. В экзальтированной части своего окружения они распространяли сведения о европейских активистках, которые у себя на родине серьезно электризовали социальную атмосферу, в том числе и вопросами равного отношения к женскому образованию. В свете таких тенденций в Египте открывались новые виды на будущее.

В тех условиях пробуждение египетских женщин можно было понимать как появление у них ростков осознания своей значимости для общества и как запрос на уважение и достойное отношение к себе. Хотя, наверное, следует оговорить, что такие мысли не были всеобъемлющими и циркулировали в тех кругах женщин, которые были более подготовленными к их восприятию. Эти чувства и ощущения требовали выхода и начинали ментально сближаться с европейским движением феминисток, которое возникло в середине позапрошлого века и стало привлекать живое внимание широкой западной публики к акциям своих феминисток уже ближе к XX в. Известия о событийной стороне этого явления и прокламируемые им идеи достигли Египта с запозданием, и с того времени женское движение в нем стало подражать первым феминисткам, развиваясь уже на египетской почве, хотя без того размаха и ажиотажа, как это имело место в Европе. Весьма вероятно, что основу социальной базы египетского типа феминизма составляли те женщины, которые первыми сняли хиджабы. Хотя достоверных подтверждений этому не имеется, все же такие поступки кажутся вполне естественными для обстановки того времени, насыщенного энтузиазмом наиболее деятельных египтянок, нашедших платформу для выражения своих надежд.

Идея полноценного образования детей школьного возраста стала одной из ведущих для Союза египетских феминисток. Тем более что у истоков Союза стояли представительницы элитарного социального слоя, считавшие, что лозунг освобождения женщин и введения избирательного права для них не имеет перспектив, если не будет увязан в один пакет с требованием полноценного образования и здравоохранения для женщин и детей и ревизией закона о личном статусе и запрете проституции.

По сути, в руках Союза с профилем общественной организации феминизм не был оружием. Вопрос о праве голоса едва ли воспринимался как политический, скорее он относился к категории социальной справедливости и не превращался в подобие классового антагонизма. Другими словами, Союз ставил перед собой не столько чисто феминистские задачи, сколько вызывал к эмансипации женщин, не претендуя на осуществление всех требований феминизма, стремившегося потеснить мужчин и встать на один уровень в соперничестве с противоположным полом. Очевидно, что и другие женские организации на местах едва ли могли охватить более широкий круг вопросов и сосредоточивались на частностях, не выходя за рамки контактов с местными оmdами.

Союз женщин, как современно понимаемый организм, едва ли мог обрести статус влиятельной политической единицы. Он был формальным объединением женщин, искренне стремившихся улучшить качество жизни египетского общества, высвободив политический потенциал женского пола. Представляется, что Союз преуспел лишь косвенно в деле изменения избирательного права и запрета проституции, слившись с курсом египетской революции, руководство которой пришло к выводу о необходимости проявить собственное внимание к преобразованиям в женской сфере. Достаточно серьезной своей частью они были проведены в жизнь только через два года после революции, т.е. в 1956 г. Реформа же семейного законодательства не была осуществлена, закон о личном статусе остался прежним, как и положения о многоженстве и праве мужчин расторгать брак без согласия жены¹. Но даже достигнутое показывало, что уже ближе к середине прошлого века организация получила большую известность и могла частично добиться результата, в том числе и потому, что требования ее реально отвечали велению времени. Однако в целом ее влияние оставалось ограниченным, а инициативы не внедрялись глубоко в женские ряды по нескольким

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Egyptian_Feminist_Union

причинам. С одной стороны, этому мешала общая трактовка места и роли женщины в египетском социуме. С другой – в мусульманской среде активистки олицетворяли светскую ориентацию и продвигали европейские ценности, которые не вызывали сочувствия у подавляющего большинства египтянок.

Более радикально настроенная и реальная феминистка Дория Шафик в 1948 г. создала свою собственную организацию Бинт (Банат) ан-Ниль, которая провела несколько эффектных акций. Самая громкая из них была связана с блокированием парламента в 1951 г. силами полутора тысяч организованных горожанок в полувойенной форме, требовавших признания своих прав, но не удостоившихся ответа, а затем осадой за полгода до революции 1952 г. отделения Барклайз Банка, который в Египте был символом английского господства¹.

Совершившаяся в июле того же года революция поставила страну перед целым сонмом задач экономического, политического, общественного спектра и перед необходимостью переосмысливать явления, которые, уходя корнями в прошлое, на новом витке исторического развития все явственней становились анахронизмом, противоречащим новому взгляду на функционирование общества и его институтов и пониманию роли государства. Революция сыграла выдающуюся роль в развитии страны и общества и, естественно, наложила отпечаток на сознание немалой части женщин и мужчин.

Дория Шафик восприняла революцию, как знак немедленного начала ренессанса египетских женщин, но поскольку событие не состоялось, она обвинила Насера в диктаторстве, за что была наказана домашним арестом, а затем провела несколько голодовок и подверглась гонениям, а феминистская организация распалась².

Между тем в начале своего правления Насер откликнулся на требования СЕФ, предоставив женщинам, помимо права голоса, некоторые политические и экономические права, равные возможности в образовании и здравоохранении, адекватные условия выхода на рынок труда наравне с мужчинами. Но при этом они не получили полных прав на участие в общественной жизни. «Жен-

¹ *David D. Kirkpatrick. Overlooked No More: Doria Shafik, Who Led Egypt's Women's Liberation Movement. Aug. 22, 2018. The New-York Times* <https://www.nytimes.com/2018/08/22/obituaries/doria-shafik-overlooked.html>

² Ibid.

щины вне государственной системы хозяйствования оставались в подчинении мужчин, семейное право сохранилось в прежнем виде»¹.

Вероятно, Насер не решился в условиях политической нестабильности разрушить все основы традиционного уклада, который поддерживал работоспособность системы и соответствовал в моменте общему характеру развития производительных сил, чтобы не вызывать турбулентность в обществе, немалый сегмент которого лояльно относился к «братьям-мусульманам». Поэтому не ставилась задача полного отказа от традиционных форм хозяйствования, особенно свойственных периферийным районам, где уровень гражданственности и сознания населения был застойным и ориентировался в основном на сиюминутные потребности и интересы.

В такой обстановке тотально мобилизовать женский пол настолько, чтобы в массовом порядке вовлечь его представительниц в общий перестроечный поток и именно в той форме, которая могла бы ускорить появление женщин в поле гораздо более вариативного общественно-полезного труда, нежели замкнутость на домашнем хозяйстве, не удалось. Понятно, что разрушение последнего за счет организованного оттока женщин не предусматривалось, но в социуме, с надеждой принявшем победу национально-освободительной революции, было ощущение, что женщины нуждаются в том, чтобы их «разбудили» и вовлекли в более производительный труд.

Очевидно, что СЕФ к тому моменту выполнил свою историческую функцию мобилизации женщин в переходный период от королевской до авторитарной власти и более не вписывался в рамки новой эпохи, в которой его деятельность оказывалась не востребовавшей. Союз был преобразован в благотворительную организацию и поставлен под контроль правительства, как и другие женские ячейки, которые выводились на прямые связи с государственными структурами, а права женщин стали частью более широкой государственной стратегии развития в рамках государственного авторитаризма. В итоге, государственный феминизм при режиме Насера сделал женщин экономически независимыми в семейных отношениях, но оставив в зависимости от государства, с точки зрения возможностей трудоустройства, доступности важных социальных услуг – образования, здравоохранения, детских садов,

¹ Sika, Nadine; Khodary, Yasmin "One Step Forward, Two Steps Back? Egyptian Women within the Confines of Authoritarianism" // Journal of International Women's Studies. Volume 13, Issue 5, October 2012) Arab Women Arab Spring. Articles9. <https://vc.bridgew.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=jiws> P. 92.

это же касалось политической ориентации. Одновременно государственный феминизм создал и организовал систему общественного патриархата, которая не бросала вызов личным и семейным взглядам женщин.

Смена социального и организационного «подданства» привела к тому, что женщины оказались в ситуации, когда мужской произвол был заменен лояльным снаружи, но довольно жестким внутри административным руководством со стороны государства, за которым просматривалась не столько озабоченность положением женщин в семьях, сколько контроль за их способностью соответствовать требованиям мобилизации трудовых ресурсов и исполнением обязанностей на рабочем месте. Хотя есть повод полагать, что в условиях нехватки рабочих мест другой целью вызволения женщин из патриархальной среды было не столько намерение привить им навыки общественно полезного труда и дисциплины, сколько удерживать в рамках приемлемого отношения к власти, учитывая высокий политический и протестный потенциал женщин в канун и во время борьбы против английского господства.

Другими словами, в отличие от предшествовавшего периода, «огосударствление» женского движения было предрешиено программой внедрения государства не только в экономику, но и в надстроечные сегменты, тем более такие существенные, как, например, профсоюзное движение, молодежные организации и, естественно, женские, которые имеют выход фактически на все страты общества и могут оказывать влияние на умы людей, распространяя идеологию, которая может не коррелировать с государственным курсом в области развития и мобилизации человеческого потенциала. В целом, такая политика была оправдана в условиях складывавшейся обстановки, которая диктовала необходимость удерживать власть в стране в сложной политической ситуации в регионе вообще и вокруг Египта в частности.

Исходя из итогов раннего периода женского движения, можно сказать, что оно завершилось с вполне определенным эффектом. В меру сил и возможностей оно внесло новое начало в жизнь египтянок, хотя зона его действия была ограничена и не достигала дна социума. Тот период был в Египте временем многих инициатив, создания партий, клубов, собраний, различных направлений, которые предлагали свое видение настоящего и перспектив политического развития страны, но, в основном, без учета места женщин в развивавшихся процессах и в отрыве от проблем гендерного неравенства.

Атмосфера второстепенности женского вопроса наряду с ограниченным спросом на идеи женской эмансипации и отсутствие навыков управления крупными процессами создавали большие трудности действиям «прогрессисток», мешая выработке повестки дня, которая могла бы соответствовать уровню более влиятельных структур в виде политических партий. Заметки в прессе отдельных сторонников освобождения женщин от жизни в условиях «домостроя» и выступления немногих женских активисток не решали проблемы, хотя и производили впечатление на читающую публику. Но этих демаршей явно не хватало, чтобы на основе одного женского энтузиазма собрать политические силы и тем более укрепить настолько, чтобы реально встать во главе женского движения или хотя бы сплотить группу сторонниц, способных к реальной и системной работе в женских массах.

Тем не менее женский вопрос так или иначе был сформулирован усилиями лидеров организации в виде параллельной официальной точке зрения цели и нашел свое место в египетской политической повестке, и даже не став на тот момент стержневым, приобрел известность, привлек часть женской аудитории, не давая забыть о ее существовании разными выступлениями женщин. В любом случае, факт присутствия живого женского начала, претендующего на собственное место в политической жизни египетского общества, напоминал политикам того периода, что, возможно, грядет еще один претендент на место в политическом истеблишменте, который в будущем наберет силу и влияние и с большей решимостью, чем об этом можно было думать, заявит о своих притязаниях и интересах. Однако подобного не произошло в силу сложившихся причин.

Действительно, Насер, как новый лидер Египта, предложил обществу достаточно спорную для тогдашнего состояния страны инициативу принять во внимание судьбы женщин, хотя бы частично введя их в рамки правовой защиты. Египтянки обрели гарантии от некоторых ситуаций, которые возникали как результат полного пренебрежения гендерным равенством и бесправием женщин, отсутствие реакции на которое в Египте фактически опустилось до уровня обычая.

Конституция 1956 г. запретила дискриминацию по признаку пола, а Хартия 1962 г. подтвердила, что женщина должна рассматриваться, как равная мужчине, может сбросить оставшиеся оковы,

ограничивающие свободу ее действий, чтобы играть конструктивную и чрезвычайно важную роль в налаживании жизни в стране¹. В Хартии же провозглашалось положение, что «семейная ячейка должна быть признана базовой для общества и подлежать реализации в полной мере². В интересах женщин были откорректированы и некоторые положения трудового законодательства.

Идеи равенства едва ли были восприняты с удовлетворением большинством мужского населения страны. Но египтянки приняли их с большим воодушевлением, которое нашло поддержку у феминистских организаций на Западе, заинтересовавшихся возможностью расширить поле деятельности в таком обещающем государстве, как Египет, которое имеет авторитет в арабском мире и к тому же снискало дополнительную популярность в глазах множества женщин Арабского Востока признанием прав слабого пола.

Египетская революция этими решениями, безусловно, преподнесла арабской умме своего рода урок, показав, что не ислам делает женщин обездоленными, а институты, которые веками крепились под прессом особенностей арабского бедуинского быта и в итоге стали довлеть над обществом и его женской половиной.

На фоне традиций мобилизация внутренних сил женского движения не является быстрым процессом в силу давления обычаев, освященных временем правовых норм и множества нюансов, которые организуют жизнь женского общества и в городах, и в отдаленных деревнях, где нравы еще строже. В этих условиях не только поддержка государства определяет уровень активности женского населения. Вопрос также и в том, насколько само это сообщество способно ощущать себя внутренне свободным субъектом, что в рамках этого «субъективизма» может подталкивать женщин к достижению целей и какую планку они могут выставить для себя, оценивая, насколько далеко они могут пойти в своих действиях.

Косвенно об этом может свидетельствовать пример Судана, где в рабочих кварталах Хартума примерно в 50-е годы XX в. был проведен опрос мужчин и женщин, которым предложили выбрать в качестве главного один или два из пяти простых жизненных приоритетов, при этом интервьюеров особенно интересовала реак-

¹ *Peter Mansfield. The Arabs. London. 1978. P. 542.*

² *Alan W. Horton. The Charter for North for National Action of the UAR. NorthEast Africa Series. Vol. 9. No 5, Cairo July 1962. P. 17 <http://www.icwa.org/wp-content/uploads/2015/09/AWH-5.pdf>*

ция полов на вопрос о харамлике. В результате большинство мужчин дали самую высокую оценку возможности возвести стену в доме, чтобы выгородить женщинам помещение и обеспечить их уединение, тогда как сами женщины отнеслись к этой операции с наименьшим энтузиазмом, но при этом высказали соображения относительно варианта в виде вообще отдельного дома¹, но не посчитали возможным отринуть идею харамлика, как такового.

Сам этот факт интересен, но не отвечает на вопрос, чем респонденты руководствовались при вынесении своего «вердикта». Интригующей выглядела позиция женщин. То ли их выбор диктовался простым желанием удобств, то ли было выше их сил уйти совсем от старого уклада и потеряться вне его, то ли «сработала» боязнь жизни без мужского пригляда и защиты в условиях трудного существования.

Здесь, скорее всего, усматривается совокупность действия всех трех моментов, поскольку опыт «женщин из низов» не предполагал иных доводов, учитывая их сознание, воспитание и ощущения, которые черпались из исторической памяти предшествующих поколений женщин.

Этот вариант не единичен и, как представляется, может быть без особых оговорок экстраполирован и на ряд других стран региона с примерными условиями жизни, а тем более на Египет. Конечно, Судан отличается от соседнего государства по ряду параметров. Но следует учитывать их совместное существование в рамках Англо-Египетского Судана, что как бы подчеркивает их африканское родство, которое определяется сходством психотипов, социокультурных черт, религией. Наконец, имеет значение и время опроса, когда еще не было достигнуто столь большого различия между двумя странами по уровню экономического развития, а также тот факт, что ответ на вопрос давался в социуме, скорее всего, не знакомом с феминистскими настроениями, что сводит на нет возможность искреннего ответа.

Другой пример выяснения отношения женщин к свободе и праву на выбор также был построен на проведении несложных опросов, ответы на вопросы которых должны были показать готовность респонденток к изменению своих жизненных условий. Один из них состоялся в арабской студенческой среде и затрагивал тему брака. Результат показал, что девушки отнюдь не заинтересованы в браке больше, чем юноши, по крайней мере, 40% высказали та-

¹ Morroe Berger. *The Arab World Today*. N-Y. 1964. P. 128,

кое мнение. И еще один опрос выявил, что за короткий промежуток — с 1952 по 1956 г. — количество женщин, заявивших о предпочтительности брака перед двумя другими альтернативными темами, снизилось с 57 до 41%¹.

Приведенные цифры в общем информативны, но едва ли могут рассматриваться как репрезентативные в силу узости социальной базы исследования и небольшого числа опрошенных. Но тем не менее они показывали, что прежде привычные стандарты поведения женщин начинали разрушаться, и эта тенденция может быть связана с революционными событиями в Египте, которые дали толчок признанию самостоятельной роли женщины в арабском социуме. Реакция на открывающиеся в связи с этим возможности может указывать на то, что как минимум часть женщин из разных слоев общества внутренне уже были готовы формулировать свои действия именно в том направлении, ради которого проводился опрос, или близко подходили к черте, но не решались переступить через нее.

Можно также предположить, что полученные ответы могли быть навеяны и феминистскими идеями, особенно если учесть, что студенческая аудитория обычно более осведомлена в вопросах, которые остаются еще закрытыми для населения, тем более находящегося в плену отживающих представлений. Ведь в отсутствие массовых средств коммуникации продуктивная информация о женском движении за границей едва ли попадала на Восток в нужном для «обольщения» женщин объеме. К тому же она была доступна не столь уж многим в связи с распространенной неграмотностью, более отмечавшейся среди женщин. Очевидно также, что египетский Арабский социалистический союз не поощрял идеи феминизма ни в какой форме, тем более в западном, как считалось, особенно разрушительном варианте, который не соответствовал интересам нового египетского государства.

Ответ на вопрос о причинах пробуждения женского сознания следует искать внутри самого Египта, в его послевоенной атмосфере и в активизации национально-патриотических сил в связи, например, с Тройственной агрессией или войной с Израилем 1967 г., в пробуждении общественной мысли и в нарастании интереса в социуме к внешнеполитическим процессам и внутренним событиям в стране. Это была пора, когда страна освободилась от иностранного присутствия и приступила к поиску собственных

¹ Morroe Berger. *The Arab World Today*. N-Y. 1964. P. 128.

путей и методов развития, под которые должны были быть заложены устои, наиболее отвечавшие реалиям нового Египта и представлениям его руководства о том, какой должна бы стать страна в ближайшей на то время перспективе.

На таком разнообразном и напряженном фоне и в обрамлении насеровской политики, «обуздавшей» женский вопрос во избежание превращения его в насыщенный политикой триггер, видится, что у феминизма, как такового, в Египте нет особого будущего, во всяком случае, в обозримой перспективе. Но это не означает, что женское движение исчерпало свои возможности, что было доказано на более поздних примерах из бурной жизни египетского общества, когда женщины выступили спонтанной, но очень мощной мягкой силой. Такие демонстрации свидетельствуют о скрытом потенциале женских масс, способных на многое, если возникают прямые угрозы, порождаемые откровенной социальной несправедливостью или чреватые возвращением моделей гнетущего патриархального быта, как навязанной формы существования женской части населения.

Режим Насера, предприняв в свое время, хотя и важные, но половинчатые меры в целях улучшения положения женщин, лишь частично разрешил их проблемы, оставив в стороне не менее щепетильные темы, которые служат раздражающим фактором для женской аудитории и поныне. Пресечение феминизма как движения, несовместимого с авторитаризмом власти, который и не мог бы стать оружием против режима, оставило женщин наедине со многими трудностями, генерируемыми гендерным неравенством.

В Египте нет радикального феминизма. Но нет и гармонии внутри общества из-за того, что противоречия между мужским и женским началами, с точки зрения напряженности связывающих их социальных отношений, остаются непреодоленными.

Они сложны тем, что в стране сталкиваются два почти равновесных тренда, влияющих на положение женщин. Один из них связан с ростом образованности и культурного уровня населения, в том числе и женского, как следствия модернизационных процессов в обществе, которые изменяют менталитет и ориентируют его на новые ценности. Другой же питается поддержкой все еще влиятельных консервативных сил, в том числе и исламистских, обращенных в прошлое, которые видят в нем скрепы, спасающие общество от распада и при этом консервирующие ретроградное видение места женщины в жизни. Оба подхода сосуществуют в некоем равновесии, но это «оперативное» спокойствие наполнено

глубокими противоречиями, способными непредсказуемо вылиться в серьезное противостояние. Особенно если баланс будет нарушен «судьбоносными» событиями, в которых женщины выступают, скорее, по наитию, и будут действовать не как феминистки, а как патриотки, разделившись по «партийному» признаку и забыв о распрах с мужчинами ради победы здравого смысла.

Список литературы

1. *Alan W. Horton*. The Charter for North for National Action of the UAR. NorthEast Africa Series. Vol. 9 No 5, Cairo July 1962, <http://www.icwa.org/wp-content/uploads/2015/09/AWH-5.pdf>
2. *David D. Kirkpatrick*. Overlooked No More: Doria Shafik, Who Led Egypt's Women's Liberation Movement. Aug. 22, 2018. The New-York Times <https://www.nytimes.com/2018/08/22/obituaries/doria-shafik-overlooked.html>
3. *Morroe Berger*. The Arab World Today. N-Y. 1964.
4. *Peter Mansfield*. The Arabs. London. 1978
5. *Sika, Nadine; Khodary, Yasmin*. «One Step Forward, Two Steps Back? Egyptian Women within the Confines of Authoritarianism». *Journal of International Women's Studies*. Volume 13, Issue 5, October 2012) Arab Women Arab Spring. Articles 9 <https://vc.bridgew.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=jiws>
6. https://en.wikipedia.org/wiki/Egyptian_Feminist_Union

Статья поступила в редакцию 16.03.2023.

Принята к публикации 30.03.2023.

Filonik A.O., Baturina V.N.
Egypt: the first steps of feminism

Aleksandr O. Filonik,
PhD (Economics), Leading Research Associate
Center for Arab and Islamic Studies, IOS RAS
e-mail: fao44@mail.ru

Vera N. Baturina,
Lecturer, Department of Global Communications,
Faculty of Global Processes,
Lomonosov Moscow State University
e-mail: vera-baturina@yandex.ru

Abstract. *The article analyzes issues related to changes in the situation of Egyptian women over the course of about two decades from the beginning of the July Revolution to the end of its stage associated with the Nasser regime. Egypt, embodying the avant-garde of the Arab world, became the first Arab*

State to abandon the traditional belittled interpretation of the role of women in society and constitutionally confirmed their equal rights with men. Women have actively shown themselves in the struggle for the country's independence from Britain and demonstrated their willingness to be full-fledged participants in national events on an equal basis with men. The emotional explosion of their social discontent culminated in the creation of the Union of Egyptian Feminists on their own initiative and the efforts of a small group of advanced Egyptian women who conducted educational work in the women's environment and outside it, spreading the ideas of gender equality, speaking out against insulting their human dignity and humiliation in everyday life. A separate topic was the overcoming of illiteracy and women's education, which was subsequently focused on by the regime that emerged in the wake of the July Revolution, which simultaneously initiated measures in the economy, creating the public sector and limiting private capital. Amid the aggravation of social contradictions, the ideas of feminism did not receive support from the state, and the Women's Union was transferred to the government, becoming one of the conductors of the policy of the ruling party.

Keywords: Egypt; Union of Egyptian Feminists; women's issue; traditions; reforms; gender gap; protests; deficits.

Погорельская С.В.*
МУСУЛЬМАНЕ В ГЕРМАНИИ:
ВОЗМОЖНА ЛИ РАДИКАЛИЗАЦИЯ?

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.09

Для цитирования: Погорельская С.В. Мусульмане в Германии: возможна ли радикализация? // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.09

Аннотация. Потенциальная опасность радикализации исламской диаспоры ФРГ рассматривается в связи с ее этническим составом, религиозными особенностями и в контексте мер, предпринимаемых государством для интеграции ислама и для предупреждения исламского терроризма.

* Погорельская С.В., кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, e-mail: pogorelskaja@yahoo.de (ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158)